

КОГНИТИВНЫЙ И КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ

Лариса Феликсовна Компанцева

Статья Л.Ф. Компанцевой «Когнитивный и коммуникативно-прагматический подходы к изучению грамматической категории времени» представляет методику рассмотрения категории времени в вузовском преподавании курса «Морфологии», анализирует существующие точки зрения на проблему.

Ключевые слова: категория времени, когнитивистика, прагматика, текст

Стаття Л. Ф. Компанцевої «Когнітивний та комунікативно-прагматичний підходи к вивченню граматичної категорії часу» представляє методику розгляду категорії часу в вузівському викладанні курсу «Морфологія», аналізує існуючі точки зору з проблеми.

Ключові слова: категорія часу, когнітивістика, прагматика, текст

The article by L. Kompantseva "Cognitive and Communicative Pragmatic Approaches to Studying the Grammatical Category of Tense" represents methods of consideration of the category of tense in the University academic course "Morphology". It analyzes the modern points of view on the problem of the category of tense.

Key words: category of time, cognitivist, pragmatic, text

Когнитивный и коммуникативно-прагматический аспекты – вот два полюса развития современной лингвистики. Анализ грамматических единиц сегодня не возможен без выявления связей, устанавливаемых между грамматической единицей и текстом, без определения коммуникативных ролей, для которых предназначается конкретная грамматическая категория.

Фигура «говорящего лица» стала центральной не только в лексике, словообразовании, синтаксисе, но и в морфологии. С ней мы встречаемся в традиционной грамматике, рассматривая категории времени, лица, предикативности. Там грамматическое время определяется отношением действия к моменту речи, разграничивающему в неостановимом движении настоящее, прошедшее, будущее, а также его функцией в темпоральной локализации событий или состояний, о которых говорится в предложении [8]. Но темпоральное пространство текста организовано гораздо сложнее, чем понятие времени в однолинейной морфологической парадигме. Рассмотрим ахматовские строчки:

*Теперь твой слух не ранит
Неистовая речь,
Теперь никто не станет
Свечу до утра жечь.*

*Добились мы покою
И непорочных дней...
Ты плачешь – я не стою
Одной слезы твоей.*

В этом стихотворении встречаем все формы времени: *добились* – прошедшее, *не ранит, плачешь, не стою* – настоящее, *не станет* – будущее. При этом тахсисная взаимосвязность действий не нарушается. Соотношение времен объясняется сменой точек зрения автора: события настоящего времени (*Теперь твой слух не ранит. Ты плачешь*) обращают автора к воспоминаниям (*Добились мы покою/ И непорочных дней*) и размышлениям о будущем (*Теперь никто не станет/Свечу до утра жечь*).

Этот пример показывает, что выбор темпоральных форм и их комбинации в тексте определяются не реальным моментом речи, а представлением говорящего о соотношении времени события и времени его восприятия, размышления, наблюдения. Таким образом, «точка отсчета времени не фиксирована моментом порождения текста, она подвижна и может перемещаться по воле говорящего, как его наблюдательный пункт, в разных направлениях по отношению к оси событий, занимая позицию, синхронную происходящему там, где он мысленно помещает себя в хронотоп актуализируемых картин и событий, восстанавливаемых памятью либо рисуемых воображением, фантазией» [4, с.22]. Движение времени в тексте не однолинейно и не однонаправленно, как однолинейно и направлено движение от прошлого к будущему в глагольной парадигме. И эту специфику текста необходимо учитывать при рассмотрении грамматической категории времени. Более того, на наш взгляд, рассмотрение грамматической категории времени без учета ее когнитивных и коммуникативно-прагматических особенностей будет односторонним и неполным.

Когнитивный аспект фактора времени определяется несколькими составляющими: многомерностью, неотделимостью человека от времени, но отделимостью времени от человека, и, наконец, той ролью, которую играет фактор времени в создании модели человека. Грамматическое время формально, «одномерно и необратимо», «подобно цифровому ряду», «может быть представлено в виде прямой линии, ориентированной на ту или иную сторону», «отвлечено от мира и человека» [2, с. 51]. Тем не менее, членение грамматического времени на прошлое, настоящее и будущее определяется положением человека в мире, его «точкой присутствия»: «укрытостью от него будущего, известностью (пережитостью) прошлого и данностью (переживаемостью) настоящего» [2, с. 52]. Создание модели человека и моделирование времени – процессы неразделимые. Грамматическая точка присутствия человека не является в этом случае формальной точкой отсчета, а имеет когнитивную значимость – она становится точкой зрения. Можно говорить о том, что текстовое пространство конца XX века потеряло устойчивость. «Хронологическая ось, отражая относительность понятия времени, стала описывать сложные кривые, создавая особое пространство по тем же законам развития, что и все пространство. Литература раскалывается, превращаясь в ветвящуюся вселенную» [1, с.136]. Избежать противоречий можно, лишь допустив существование множества моделей времени. «Времен столько, сколько вещей, а вещей столько ... сколько смыслов и идей. Время – боль истории, непонятная «научным» исчислениям времени» [5, с.85]. Без приведенного когнитивного подхода к пониманию категории времени не возможен анализ текста, а изучение грамматической категории времени представляется неполным. Приведем пример. *«Когда память – больно. Она бывает из Прошлого или из того, что только будет. Прошлое не кончается дольше. Наверное, оно длиннее того, что было впереди»* [6]. Здесь мы сталкиваемся с зеркальным обращением времени, воссозданием модели сознания личности, поколения, человечества. Зеркальное обращение времени (*«...оно (прошлое) длиннее того, что было впереди»*) помогает зафиксировать Вечность, осмыслить настоящее время, не прерывая связи с прошлым. На грамматическом уровне таксисная связь событий не нарушается, напротив, темпоральное пространство текста представляется объемным. Соотношение времен (*«бывает из Прошлого», «того, что будет», «было впереди»*), их зеркальность объясняется сменой точек зрения наблюдателя, анализирующего события.

Языковые модели времени имеют концептуальное значение для декодирования текста. «Они могут быть разделены на такие, в которых главной фигурой является человек, и такие, которые ориентированы на само время. В первом случае линия времени репрезентирует течение жизни или линию судьбы, во втором – движение природных веществ – воды или воздуха. Назовем первые моделями Пути человека, вторые – моделями Потока времени» [2, с.54]. Фактор времени является основополагающим звеном в формировании **рекурсии** – системы, способной в процессе своего функционирования создавать неограниченное число копий базовых подсистем, каждая из которых незначительно отличается от другой, что приводит к конечным глобальным изменениям. Рекурсия возможна на любом отрезке действительности: от превращения воды в лед до рисунков нидерландского художника Эшера. Языковое время также приводит к рекурсиям на разных уровнях текста. Например, герои повести В. Нарбиковой «Великое кня...» получают возможность повторить судьбу Пушкина и его современников потому, что постигли зеркальность времени и попали в час, принадлежащий вечности. *«Несмотря на то, что Петины часы показывали ровно два, часы на площади показывали ровно час. И почти под часами, которые показывали обычное время, которое уже шло к зиме, в разгар осени, в тот час, которого уже не было в природе, который по воле случая оказался у нее в запасе, в этот летний, оставшийся от летнего времени час случайно появился Борис ... Раз времени такого быть не могло, то и Пети в это время на площади быть не могло... Могла быть только площадь и время над площадью»* [6, с.54]. Смещенность времени, его зеркальность воссоздает модель «Пути человека». Герои повести проходят весь путь взаимодействий, что и Пушкин: встреча с любимой женщиной – конфликт между гением и посредственностью, в который замешана женщина, – гибель гения. Этот цикл дополняется еще одним звеном, ради которого повесть и написана: осмысление жизни и смерти, смерть гения как явление вневременное. Но, тем не менее, конфликт в повести В. Нарбиковой отличается от пушкинского, несмотря на повторение цикла взаимодействий: наша психология отлична от психологии пушкинских современников, отсюда – глобальные новации в постижении универсальных смысловых кодов. *«И за круглым столом, в комнате типа столовой сидели люди типа друзей, они ели что-то типа мяса и записывали вином типа портвейна. Ситуация была нетипичной, она была не типа той, которая уже была, а типа другой, которой еще не было»* [6, с.59]. Подобное осмысление категории времени характерно для новаторской прозы XX века (Джеймс Джойс, Марсель Пруст, Федор Сологуб, Андрей Белый, Роберт Музиль, Франц Кафка, Герман Гессе, Альбер Камю, Михаил Булгаков, Габриэль Гарсиа Маркес, Владимир Сорокин, проза «немного поколения» – авангардная проза конца XX века и др.). Новизна этой литературы заключается в том, что она не пытается остановить мгновение, а воссоздает его динамику, фиксирует момент перехода героя в иное измерение. Традиционное хронологическое время в модернистских произведениях отсутствует, его заменяют события частичного порядка, текст обретает инвариантность относительно обращения времени. Тем самым новаторски решается

проблема конечного в бесконечном: воссоздавая семантику Вечности, конечный текст постоянно апеллирует к ней, становится ее частью и в то же время включает Вечность как философски значимую категорию. Новаторские модернистские тексты нацелены на синтаксис, а не лексику, на прагматику, а не семантику. В них особую роль играет наблюдатель, он способствует формированию неопределенности, интимизации текста. Смысл фигуры наблюдателя-рассказчика в том, что именно на его совести правдивость того, о чем он рассказывает. Анализ подобных текстов не предполагает однозначного подхода к грамматической категории времени.

Коммуникативно-прагматический подход к категории времени рассматривает движение времени в тексте не однолинейно и не однонаправленно, а как взаимодействие трех темпоральных осей [4, с. 22-26]:

Линия Т1 представляет **календарное**, природное, «объективно бегущее время, внешнее по отношению к тексту, однонаправленное и необратимое. Это категория физическая, связанная с гносеологически-когнитивной осознанием, упорядочением объективного времени в человеческих представлениях» [4, с. 22].

Линия Т2 реализует текстовое, **событийное** время, которое может быть в каких-то моментах проецировано на хронологическую ось, но это не обязательное условие построения текста. Обязательным условием построения является таксисная связь всех составляющих текста. Линия Т2 может демонстрировать хронологическую отнесенность событий или их чисто таксисное следование.

Линия Т3, **перцептивная**, выражает позицию говорящего, реальную или мысленную, во времени и пространстве по отношению к событиям текста. «Следуя вдоль событийной линии, говорящий воспроизводит «видимое» и «слышимое»; перемещаясь влево или вправо, говорящий может инверсировать порядок изложения; поднимаясь над происходящим, говорящий с более высокой точки обзора описывает место действия, фоновые, сопутствующие признаки, либо суммирует повторяющиеся события, накапливающиеся состояния, либо оставляет прочерк в незначительных для сюжета отрезках событийного времени, либо сообщает не о событиях, а о мыслях, вызванных ими, разного уровня абстракции» [4, с. 23].

В этом случае роль рассказчика можно сравнить с ролью кинооператора, стремящегося запечатлеть изображаемое с разных точек зрения, что сближает пространство текста с живописью и кино.

Строить Человечеству понравилось. Когда одеяло оказалось освоено до дыр и перекопано в прах, Человечество перебралось на стены, потолок и дальше. И последовательно все переработало....

Ощувив творческий подъем, Человечество произнесло хором:

- Да здравствует цивилизация!

И засеяло горизонты железобетоном.

Климат оставался мягким.

Взломав землю, взросли города, от них отпочковались Заводы. Планета съежилась и потянула почву из Городов прочь. Вместе с мягким одеялом уползли травы и деревья.

Поклонения производств окольцевали небо дымами, круги порождали круги, и из Космоса стало похоже, что Планета заросла пнями.

Что утвердилась последняя эра Углов, становилось понятно только вблизи» [7, с. 10].

В данном примере читателю дано созерцать, подобно кинозрителю, динамику пространства из разных точек: центральной («Когда одеяло оказалось освоено до дыр и перекопано в прах, Человечество перебралось на стены, потолок и дальше. И последовательно все переработало...»); со стороны – читатель постепенно отодвигается от эпицентра событий на определенную дистанцию и начинает оценивать метаморфозы пространства («Ощувив творческий подъем...»); из Космоса, что предполагает особую, трансфизическую, дистанцию («...из Космоса стало похоже, что планета заросла пнями»); точки непосредственного соприкосновения с данным пространством («Что утвердилась последняя эра Углов, становилось видно только вблизи»). Метаморфозы пространства сопряжены с метаморфозами времени («...утвердилась последняя эра Углов»). Изменения во времени представляются неким когнитивным моделированием, созданием новой системы («эра Углов»). Событийное, текстовое время создается, главным образом, соотношением линий Т2 и Т3. Реализуется это соотношение через видо-временные формы глаголов, референтный/нереферентный статус имен, действительные, модальные и другие языковые средства. Необходимо подчеркнуть «неоднолинейную подвижность говорящего наблюдателя, свободу перемещения его «наблюдательного пункта»; монтируя темпоральное пространство текста, говорящий воспринимает его с разных ступеней абстракции от конкретного, следовательно, и в разном темпе» [4, с. 24].

Таким образом, изучение грамматической категории времени должно проходить в тесной связи с лингвистическим анализом текста. Задачи курса «Морфология», на наш взгляд, предполагают разграничение темпоральных осей и определение их когнитивно-коммуникативных особенностей: «время Т1 – неостановимый процесс; текстовое время Т2 – по воле рассказчика организуемое сочетанием процессуальных и непроцессуальных фрагментов; перцептивное время

ТЗ может представлять как непрерывный процесс восприятие, речи-мысли» [4,с.24]. Это позволит через процессуальное восприятие связать с движением и атемпоральные фрагменты текста.

Когнитивный и коммуникативно-прагматический подходы к изучению категории времени (как, впрочем, и ко многим другим грамматическим категориям) закрепляют научный интерес к человеку и как к создателю языка, воплощающего картину мира, и как к говорящему лицу, производителю текста.

Литература:

1. Анисимов А. В. Информатика. Творчество. Рекурсия. – К., 1988. – 175с.
2. Арутюнова Н. Д. Время: Модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время. – М., 1997. – 305с.
3. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973. – 430с.
4. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998. – 390с.
5. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М., 1991. – 540с.
6. Нарбикова В. Великое кня...//Юность. – 1991. - №12.
7. Тайганова Т. Красное сафари на Желтого Льва //Юность. –1990. - №6.
8. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1998. – 680с.